

Е. Н. Струганова (Москва)

ВОДА И ОГОНЬ В БОЛГАРСКОЙ КУЛЬТУРЕ В СВЕТЕ АКСИОЛОГИИ¹

«Огънят и водата са добри слуги, а зли господари» (рус. «Огонь и вода — хорошие слуги, но плохие хозяева») — эта болгарская пословица наглядно отражает амбивалентность оценки воды и огня в народной культуре, эксплицируя через прилагательные их аксиологию. Огонь и вода являются ценностями сами по себе (природными — по классификации С. М. Толстой, ценностями — носителями благ — по мысли Е. Бартминьского) (Бартминьский 2005: 117). При этом они могут быть и символами целого ряда других ценностей и антиценностей — жизни и смерти, здоровья и болезни, хаоса и упорядоченности, внешнего — домашнего и т. д., образуя определенные семиотические оппозиции. Описывая аксиологическую составляющую модели мира, мы не можем не уделять особого внимания антиценностям: только с учетом отрицательных компонентов картина будет полной. В языке и в народной культуре доминирует именно негативная составляющая, как в случае с жизнью и здоровьем, то есть акцент ставится на утрату данных ценностей (подробнее см.: Виноградова 2012: 30).

В данной статье огонь и вода будут представлены и с положительной, и с отрицательной оценкой. С одной стороны, эти стихии являются символами жизни, здоровья, чистоты, а с другой — смерти, болезни, нечистоты, разрушения. Аксиология природных стихий — воды и огня — анализируется на лексическом и фразеологическом материале, на данных фольклорных произведений (это преимущественно легенды, космогонические тексты, благопожелания, проклятия, приговоры) и с учетом акциональной части обрядовых комплексов на основе собственных по-

¹ Авторская работа выполнена по гранту РФФИ № 18-512-76003\19 «Лингвистическая и этнокультурная динамика традиционных и нетрадиционных ценностей в славянском мире» в рамках Программы ERA.Net.RUS Call 2018 (проект #472–LED-SW).

левых, а также опубликованных и архивных фольклорных и этнографических материалов. Статьи «Вода» и «Огонь» в этнолингвистических словарях содержат основополагающие структурные компоненты для оценки этих двух стихий (Виноградова 1995: 386–390; Белова, Узенева 2004: 513–519; Барбулова и др. 2018: 60–61, 275–276).

Вода

Космогонические представления болгар тесно связаны с водой: по разным версиям сотворения мира, в самом начале не было ничего, только безбрежное море, или вначале, когда Бог и дьявол еще жили вместе, была только вода (Бадаланова-Геллер 2017: 28). Из морской пены или из песка со дна моря была создана земля. За границами земли, простирающимися очень далеко, есть вода, и там темно (PKC 235); также зафиксировано представление, что земля плавает в воде «как лодка», она со всех сторон огорожена водой, а внутри в земле кипиток и огонь (PKC 1).

Связь воды с сотворением мира обуславливает и ее связь с хтоническими существами: змеем, водным быком, которые, подобно воде, амбивалентны (см., например: Малчев 2018).

Поливание водой и концепт удачи, счастья

Одним из распространенных в Болгарии ритуальных действий, совершаемых с водой, является *поливание*. Оно тесно связано с благопожеланием *да ти върви (като) по вода* (Струганова 2018).

По мысли Л. Н. Виноградовой, благопожелания и проклятия являются аксиологическими и перформативными речевыми жанрами (слово = действие) (Виноградова 2015: 53); они формулируют представления о том, что хорошо и что плохо. Эти жанры заслуживают детального анализа, поскольку во многом помогают раскрыть оценочные аспекты стихий.

В основе благопожелания *да ти върви (като) по вода* лежит устойчивое сравнение «как по воде», то есть без препон, гладко, легко. В данном случае вода выступает символом других ценностей: здоровья, удачи, счастья. Об этом свидетельствуют ситуации, в которых используется благопожелание. Так, по данным пилотного анкетирования, респондентами которого выступали болгары и турки в возрасте от 24 до 50 лет, болгары чаще всего используют его (и сопровождающую его

практику поливания водой пути) в следующих ситуациях: поливают водой путь вслед уезжающим далеко, отправляющимся на экзамен, собеседование или любое другое важное мероприятие («испытание»). Данная практика призвана обеспечить успех начинания, безопасность в «чужом» пространстве. Поэтому поливание водой, сопровождаемое клишированным благопожеланием, происходит чаще всего на пороге дома (в том числе многоэтажного — на выходе из подъезда).

Условно говоря, существуют две разновидности данного ритуала, отличающиеся локусом и направлением совершаемого действия: водой поливают путь перед человеком (и тогда он должен наступить правой ногой в воду) или ему вслед.

Данная практика распространена и за пределами Болгарии. Так, в турецком языке есть выражение *su gibi gidip su gibi gel*, которое буквально можно перевести как «иди как вода и возвращайся как вода», то есть легко и без проблем. Известна и аналогичная ритуальная практика поливания водой дороги. Для сопоставления была проверена практика и в культурах, родственных турецкой, прежде всего в азербайджанской. Подтвердилось существование подобной практики и сопутствующего ей выражения: азерб. *xoşbəxt açıq olsun*, что можно перевести как «пусть откроется счастье». Отмечу важное: многие болгары при объяснении смысла и семантики своего благопожелания упоминали один из ключевых концептов болгарской культуры — *късмет* ('удача, везенье', а также более частный аспект судьбы, того, что писано): *аз и сега хвърлям вода, когато има някоя новост за мен или детето ми, а баба ми е казвала като стъпя на водата да се прекръстя и да кажа «Господ напред и аз по него» за късмет!* («я и сейчас выливаю воду, когда есть какая-то новость для меня или для моего ребенка, а моя бабушка говорила, чтобы, когда я наступлю на воду, перекреститься и сказать: „Господь вперед, и я за ним“ — для удачи»); см. подробнее про *късмет* у И. А. Седаковой (Седакова 2005).

Пожилая информантка из Азербайджана, жительница Баку, рассказала историю из жизни: однажды ее дочь не дождалась, пока мать выйдет из подъезда и полетет ей вслед, уехала на машине в далекую поездку, в результате машина по пути сломалась.

В балкано-славянской и тюркской культурах совпадают и другие ключевые моменты: важен порог (нужно поливать воду за порогом), поливание водой вслед уходящему. Кроме того, информантка упомянула, что и на свадьбе вслед молодым поливают путь водой. Можно

реконструировать семантику этого действия, которое в данном случае имеет инициационный характер: пожелание им счастливой совместной жизни, легкого прохождения по жизненному пути на новом этапе. Для более точного анализа данной ритуальной практики необходимо, конечно, больше данных и больше анкетлируемых. Но наличие подобных фактов даже в единичной фиксации включает болгарские ритуальные действия в более широкий сравнительный контекст. Действия с водой демонстрируют ее ценностную сущность, акциональный код составляет параллель вербальному коду, эксплицирующему концепты счастья, удачи, везения и благополучия.

Качества воды в свете аксиологии

Вода оценивается по ряду параметров, в частности — в зависимости от произведенного воздействия на человека (например, *чиста* или *мъртва*; см. ниже), а также в зависимости от действий, произведенных / не произведенных с нею (*неначената*, набранная из определенного локуса, освященная, «крещеная» и др.).

Практически все положительные характеристики воды (чистая, живая, «цветочная», постоявшая под звездами, «крещеная» и др.) добавляют ей магической мощи, делают ее не просто чистой, а чистой ритуально. И такая вода используется для лечения и очищения. Часто для лечения или снятия сглаза вода берется из особых мест, — например, из водоема возле водяной мельницы; черпают ее против течения (РКС 374). После прочтения заговора над такой водой нужно помыть больного и вылить ее обратно, откуда она была взята (подробнее см.: Мишев, в печати).

Вода способна снять магическое воздействие, однако после этого она уже становится нечистой, и от нее, как и от «мертвой» воды, необходимо избавиться, вылив ее в такое место, куда нога человека не ступает. Один из способов — вылить воду туда, откуда она была взята: вода отнесет болезнь, магическое воздействие, нечистоту.

В селах Виево и Славейно (Средние Родопы)² записана информация о снятии сглаза: предмет, с помощью которого снимают сглаз, можно бросить в так называемый левый омут (*лев вир*) — такой омут, где вода закручивается влево, — и тогда магия будет снята.

² Материалы собраны автором в ходе экспедиции в с. Виево и с. Славейно в 2018 году.

Иные интенции наблюдаются при обращении с водой, в которой купают младенца. Здесь символика локуса соотносится с комплексом продуцирующих ритуалов, которые направлены на то, чтобы ребенок вырос здоровым, счастливым, умным и пр. Эту воду во многих регионах Болгарии выливают под розовый куст (например, в с. Голец, Ловешкий край), чтобы ребенок вырос красивым.

Таким образом, мотивация действий с водой может быть различной и совершенно противоположной: в случае с ребенком — продуцирующей, в случае с болезнью — превентивной.

Еще одной важной ценностной характеристикой воды, безусловно положительной, является ее «непочатость», болг. *неначената*, *неначната*. Целостность — существенная характеристика для многих фактов традиционной культуры; ср.: «Телесная целостность человека осмысливается как одна из традиционных ценностей» (Виноградова 2015: 64). Так, данная характеристика может также относиться к «честности» невесты, сохранению ею девственности, что включает данное понятие в контекст свадебной обрядности (подробнее см.: Узенева 2002). *Неначената вода* — также вода «целостная», особенно чистая, пригодная для ритуальных целей.

Отрицательно оценивается вода, называемая «мертвой» (*мъртвешка*, *мъртва*). Такой становится вода после обмывания покойного, а также иногда и вся вода, находившаяся в доме в момент смерти, и ее полагаются вылить туда, где никто в нее не наступит. Но порой люди стараются унести с собой «мертвой» воды, чтобы использовать в магических целях, подобно другим «мертвецким предметам», имевшим контакт с телом покойного (подробнее см.: Плотникова 2009). Историю эту поведала автору информантка из с. Ковачевци, Самоковский край, летом 2018 года и указала на соседку, которая это сделала³.

Переходим к следующему фрагменту культуры, связанной со стихиями, который задействует символическую битву огня и воды. Согласно болгарским фольклорным текстам, у причинявшей сглаз (*урочица*) — два глаза, один водяной, другой огненный. Заговор направлен на то, чтобы она ослепла на оба глаза и сглаз был бы нейтрализован. Мотив нанесения телесных повреждений также подчеркивает значимость телесной целостности:

³ Материал собран в ходе экспедиции ассоциации «Онгъл» с участием автора в 2018 году.

*Седи на пак'о урочища,
под пак'о,
едно око водено, едно огнено;
пукнало се воденото, та изгасило огненото*

(Драгоман; АБДР),

(рус. «Сидит на дороге та, что сглазила, под дорогой, один глаз водяной, другой огненный, лопнул водяной, загасил огненный»).

Этот текст интересен тем, что здесь одна стихия (вода) уничтожает другую (огонь) — и таким образом приходит исцеление.

Огонь

Поворотным моментом в истории культуры человечества стало изобретение, открытие огня. Для нас это значит, что, говоря об аксиологической амбивалентности огня, мы выходим на оппозицию «культура — природа». Огонь, запечатанный в печь, одомашненный, становится символом «культуры», «своего» и «порядка» в противовес «природе», «чужому» и «хаосу».

Огонь — исключительно сложное аксиологическое явление, его оценка варьирует на шкале оценок от положительного полюса до отрицательного.

Так, пожар — опасный и нежелательный огонь — может быть вызван огнем небесным. Отсюда развивается народное почитание свв. Кирика и Юлиты (15.07), св. Афиногена (16.07), св. Марины (17.07), а также св. Марии Магдалины (22.07), св. Ильи (20.07), коррелирующих с семантикой огня и пожара. Неделя почитания этих святых (15.07–20.07) называется *запалена, опалена* ‘зажженная’. Также выделяются три дня праздников, называемых *горещници* ‘горящие, горячие дни’ (15.07–17.07). В эти дни строго соблюдаются ритуальные запреты и совершаются действия, призванные отогнать грозу и уберечь дом, село от пожара.

Неоднозначную оценку в народной интерпретации получает молния. С одной стороны, ее происхождение связано со сферой сакрального: от Бога или от колесницы Ильи Пророка или от его трубки (РКС 235). Но в то же время от молний и причиненного ими воспламенения призваны защитить особые ритуалы и запреты, которые необходимо строго соблюдать. Например, есть поверья, что богородичные посты нельзя нарушать именно по этой причине, иначе Господь поразит молнией (с. Момина цырква). В этот пост женщины не шьют, чтобы не при-

влечь гром, который сопровождается молниями (там же) (НА Е РИМ Бс, а. е. 331).

Молния как огонь, падающий с неба, оценивается и как божья кара за людские прегрешения (если это сравнивать с гневом божества, то становится понятна оценка, упомянутая выше; в болгарской фразеологии гнев передается именно с помощью огня — *горя, не кадя* [горю, не дымлю]): «Господь не мог выносить разврата на земле и начал кидать горячие камни и лить кипяток с неба» (РКС 235).

Болгары называют диким огнем (*див огън*) тот, что получен с помощью трения палочек друг об друга. Интересно, что так называемые «примитивные народы» всегда используют именно этот способ разжигания огня, и он считается первоначальным. Добытый тем же самым способом огонь также именуют *нов, млад, Божи огън* (то есть «новый, молодой, Божий огонь»). Данная практика знаменует собой необходимость обновления огня. Это входит в календарные ритуалы; ср. также сжигание ритуального рождественского полена *бадняка* (Толстой 1995).

В обрядовых практиках постоянно проявляется амбивалентность огня: огонь либо жгут с различными целями (очищение, избавление от болезни), либо пытаются от него защититься. Огонь как «свой» использовался для отопления и приготовления пищи, для обеспечения человека посудой, ее обжига (ср. поговорку *изпекъл занаята* ‘он испек свое мастерство’, которая значит, что человек хорошо чему-то научился); ср. болг. *печен* (о человеке) — «опытный». Очаг (болг. *огнище*) является символом, средоточием дома и часто являет собой метонимический перенос: с целого (дом) на частное (очаг). Так, человека, который любит сидеть дома, называют *огништар* (АБДР).

Очаг как смысловой центр дома должен особенно оберегаться, и это обеспечивается целым комплексом запретов и рекомендаций. Упомянем, к примеру, то, что рябину в очаг не кладут, так как под ней спит дьявол (Странджа 1996: 223).

Семантика огня и жертвоприношения

В традиционных представлениях болгар семантически сближается понятие курбана (жертвы) и огня. Помимо случаев, когда курбан непосредственно осуществляется у очага (Мичева-Пейчева 2013: 241), есть и косвенные признаки данного родства. С помощью свечи определяется, кому будет посвящено жертвоприношение. Чтобы определить день, когда колоть курбан, в с. Момина църква наполняют миску пше-

ницей, ставят три одинаковые свечи, называя каждую тем днем, в который предстоит исполнить обрядовый комплекс курбан, и зажигают их одновременно. Свеча, догорающая последней, указывает день курбана (НА Е РИМ Бс, а. е. 331).

Ассоциативная нить в данном случае может идти следующим образом: «огонь — красное — кровь — жертва» с общей семантикой «очищения». Особенное внимание уделяется тому, куда вытекает кровь животного. Так, курбан совершается около тех источников, вода в которых считается целебной (болг. *лековита*). Кроме того, отмечается практика пускания крови жертвенного животного по воде или сливания ее в землю для обеспечения плодородия. Ягненка для праздника дня св. Георгия (*Гергьовден*) чаще всего закалывают у реки, так чтобы кровь стекала в воду. В селах, где ягненка закалывают во дворе, собранную кровь выплескивают в реку или закапывают в землю. Действия с кровью и костями считаются продуцирующими — чтобы овечьё молоко текло как вода, то есть чтобы его было много.

Огонь часто используется для сжигания всего старого, начиная с мусора и заканчивая сжиганием предметов, используемых в народном целительстве с основной целью очищения. Подобно воде, огонь ценен тем, что он может очищать и обезвреживать и в бытовом применении, и в символическом употреблении. Например, «рано утром перед восходом солнца больной пытается взять в рот два сустава большого пальца, который ставится вертикально. После этого он умывается у источника и берет немного воды в рот, которую несет так до дома и выплевывает на огонь, говоря: „Чтобы меня не сожгло, я его сожгу!“» (болг. *«Доде да ме мене изгори, аз него да изгъвра!»*; с. Бояна) (Софийски край 1993: 187). Здесь же реализуется мысль о том, что болезнь может сжечь изнутри (и поэтому нужно вовремя ее уничтожить путем сжигания).

Очистительная функция огня может выражаться в окуривании дыможиллица или больного. Дым как обязательная составляющая горения также обладает разными аксиологическими характеристиками.

Окуривание часто используется в лечебных целях в народной медицине. Например, берут мусор из трех карманов, поджигают и им окуривают больного (с. Балша) (Софийски край 1993: 187). Окуривают и домашний скот как в большие календарные праздники, так и в менее значительные: в селах Пасарел и Негован на обрядовый хлеб кладут среди прочего тимьян, с которым утром в день св. Феодора обходят лошадей (Софийски край 1993: 247).

Тема огня весьма релевантна в народных представлениях о болезнях, в их этиологии, терминологии, лечении и контекстных описаниях. Опасными считаются заразные болезни, напрямую связанные с огнем, «горением» и «жаром»: *баба Шарка* (оспа), чума и брюшной тиф (болг. *огница* или *огненица*, с. Балванци, с. Стакьовци; АБДР). Эти болезни представляются в виде демонических женщин и оцениваются крайне негативно.

«Про эту болезнь считают, что это старая бабушка, одетая в белую одежду. Она ходила по домам, где есть дети. Деревня „загоралась“ (болг. *селото пламвало*) — дети болели» (РКС 172). Здесь стоит обратить внимание на то, что эпидемия предстает и лексически оформляется как пожар, неконтролируемый огонь (*селото пламвало*).

В случае с другими болезнями эта связь осуществляется через телесный огонь, то есть высокую температуру; ср. выражения: *телото гори на огин* ‘тело горит огнем’ (Врачанская обл.; АБДР), лихорадка «загорается» — *запалва се* (регион Тетевена; АБДР), *имам уоган'* — у меня высокая температура (регион Смоляна; АБДР).

При этом часто *огница* и *чума* выступают в текстах как синонимы:

*Пуштил ѝа Господ зла чума,
мъре, зла чума, зла огница,
Морила, што ѝе морила,
морила девет години*

(Враца; АБДР),

(«Пустил Господ злую чуму, ох, злую чуму, злой тиф, морила, морила, морила она девять лет»).

Известна и болезнь *родилна огница* или *родилна треска* (лихорадка), сопровождающаяся высокой температурой. Подробнее о народной терминологии болезней и их мифологии см.: БНМ 1999.

Болезням противостоит здоровье — базовая ценность в картине мира. По словам Л. Н. Виноградовой, «самые страшные проклятья <...> затрагивают самые значимые для человека ценности» (Виноградова 2015: 55), и именно здоровье (наряду с жизнью) упоминаются в этих клишированных текстах чаще всего:

*Да даде Господ, Драгано,
ситаница да те посипе,
лицето да ти порани,
огница да те улови,
косата да ти окапе*

(Торос, район Луковита; Бяла Слатина — АБДР),

(«Пусть даст Господь, Драган, оспа чтоб тебя обсыпала, лицо тебе поранила, тиф на тебя напал, волосы бы твои выпали»).

Лексема с корнем *огн-* также широко представлена в растительной терминологии. Существует целый «букет» трав, которые, с одной стороны, лечат от какой-либо из перечисленных болезней (если она вообще подлежит излечению), с другой — их названия могут быть мотивированы внешним видом растения: *огнена трева*, *огнено л'утиче*, *огнецветен горицвет*, *огнецветник*, *огнивец*, *огнивче* (*див босилек*), *огнивчелистно великденче*, *огничав бурен*, *огничаво биле*, *огниче*, *огничиче*, *огничево* (АБДР). Эти лексемы могут обозначать как одно и то же растение, так и совершенно разные.

Например, отвар из *Chenopodium botrys* (болг. *огниче*) употребляется против лихорадки. То есть можно сказать, что мотивацией некоторых из них является болезнь, ими побеждаемая. Исследование мотивации и наименований растений — тема отдельной работы (подробнее об «огненных» растениях см.: Колосова 2011; Канисков 2015).

Огонь и эмоции

Помимо болезненных телесных явлений, огонь коррелирует также с болезненными эмоциями, тяжелыми состояниями, что подтверждают материалы фразеологии: *огън ми гори на главата* (находиться в тяжелом положении, иметь неприятности), *пламнала ми е главата* (то же значение), *горя в (на) огън; горя, не кадя* — о сильной ярости, которую человек старается не показывать (Ничева, Спасова-Михайлова, Чолакова 1974–1975). Фразеологизмы с лексемами *огън*, *пламък* также могут обозначать просто человека темпераментного (что тоже не всегда получает положительную оценку в обществе): *огън и пламък*. Также с помощью фразеологии с лексемой, содержащей корень *гор-*, выражается негативная оценка безбрачия в традиционном обществе: *огорял пън* (об одиноком человеке без семьи).

И еще одним негативным проявлением огня, которое я охарактеризую в этой статье, будет его прямое отношение к войне; ср. рус. *пожар войны*, болг. *огън и сеч*. Помимо метафорического наименования войны, орудия убийства характеризуются с помощью прилагательного «огненный»: *саб'е огн'ану*, *огнибойка* (*пушка*) (АБДР); ср. рус. *огнестрельное оружие*.

ОГОНЬ И ВОДА

Таким образом, метафорические связи огня имеют самое широкое распространение, и многие из них указывают на витальные ценности — жизнь и здоровье, а также антиценности, им противопоставленные, — смерть и болезнь.

Существуют ритуальные практики, объединяющие огонь и воду, и о них нужно сказать пару слов. К таким обрядам я отношу гашение углей и лечение с помощью кипятка. Все они направлены на получение здоровья и связаны с народной медициной. Гашение углей широко распространено в Болгарии и сейчас. А про лечение кипятком мне удалось записать один нарратив. Рассказывает мужчина 70 лет (г. Дупница):

«Женщина, старая женщина, целительница. В районе все знаем друг друга семьями. В районе все тогда еще друг друга знали. Она вскипятила пять литров воды. Целых пять литров. И вылила воду в луженый таз. Взяла мою босую ногу в руки и нежно, но настойчиво ее направила в кипяток. <...> Интересно в данном случае то, что целительница, бабушка, держала мою ногу в руках и массажировала, сопровождая это какими-то словами, складывавшимися в интересный напев, который я не запомнил, и сейчас не знаю, что она пела. Но напев был очень успокаивающим. <...> Самое интересное, что ни нога не была обожжена кипятком, ни ее руки».

Кипяток имеет амбивалентную характеристику. Так, фразеология дает нам материал, показывающий, что кипяток оценивается негативно, связан с неприятными эмоциями и переживаниями: *като че (сякаш) ме поляха, попариха с вряла вода; сякаш вряла вода ме попара/попари*. А целительские практики, в свою очередь, указывают на его очищающую функцию.

С помощью гашения углей вода приобретает особые свойства и может считаться целебной. «Берется один зажженный уголь, и, после того как им крестят, опускают его в тарелку с водой. Если поднимутся пузырьки, значит, больного сглазили. Тогда его умывают этой водой, и потом он выпивает ее» (РКС 1).

Такая вода иногда называется *огница* (Добруджа; АБДР). В Добрудже ею также лечат диарею у овец. Кроме того, можно взять щеп от очага (*верига от огнището*) и вскипятить в воде; этой водой можно вылечить ребенка от сглаза (АБДР).

Проведенный выше анализ позволяет отчасти раскрыть аксиологический потенциал концептов огня и воды, их место в традиционной картине мира болгар. Кроме того, с помощью метафорических связей мы можем охарактеризовать и определенный блок абстрактных ценностей, среди которых в данном случае преобладают витальные (жизнь, здоровье и др.), где огонь и вода являются символами как жизни, так и смерти.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- АБДР — Архив на българския диалектен речник в Секцията за българска диалектология и лингвистична география на Институт за български език «Проф. Л. Андрейчин», БАН.
- Бадаланова-Геллер 2017 — *Бадаланова-Геллер Ф.* Книга суцая в устах: фолклорная Библия бессарабских и таврических болгар. М., 2017.
- Барболова и др. 2018 — *Барболова З., Симеонова М., Китанова М., Мутафчиева Н., Лезурска П.* Речник на народната духовна култура на българите. София: «Наука и изкуство», 2018.
- Бартминьский 2005 — *Бартминьский Е.* Проект и принципы аксиологического словаря // Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М., 2005. С. 115–130.
- Белова, Узенева 2004 — *Белова О. В., Узенева Е. С.* Огонь // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 3. М., 2004. С. 513–519.
- БНМ 1999 — Българска народна медицина. Енциклопедия / Ред. М. Георгиев. София, 1999.
- Виноградова 1995 — *Виноградова Л. Н.* Вода // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 1. М., 1995. С. 386–390.
- Виноградова 2015 — *Виноградова Л. Н.* Концептуализация понятий «добра» и «зла» в малых фольклорных жанрах (Благопожелания и проклятия как аксиологические тексты) // Категория оценки и система ценностей в языке и культуре. М., 2015. С. 53–80.
- Виноградова 2012 — *Виноградова Л. Н.* Семейные ценности традиционной культуры: аксиологический аспект изучения славянских проклятий // Славяноведение. № 6. М., 2012. С. 29–34.
- Канисков 2015 — *Канисков В.* Ботанически речник. Основи. София, 2015.
- Колосова 2011 — *Колосова В. Б.* «Огненные» травы в русской речи и традиционной культуре // Русская речь. № 4. Июль–август. М., 2011. С. 93–97.
- Мичева-Пейчева 2017 — *Мичева-Пейчева К.* Сблъсъкът на чистотата и нечистотата в българската култура и език. София, 2017.

- Мишев (в печати) — Мишев Г. «Поливка» — ритуальное омовение как лечебное средство в болгарской традиционной культуре (в печати).
- НА Е РИМ Бс — Научен архив Етнография Регионален исторически музей Бургас.
- Ничева, Спасова-Михайлова, Чолакова 1974–1975 — *Ничева К., Спасова-Михайлова С., Чолакова Кр.* Фразеологичен речник на българския език. Т. 1, Т. 2. София, 1974.
- Плотникова 2009 — *Плотникова А. А.* Покойницкие предметы // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 4. М., 2009. С. 124–127.
- Ркс — Рукописные дипломные работы из архива Ст. Романского. Хранятся в библиотеке Софийского университета. Болгария, София.
- Седакова 2005 — *Седакова И. А.* Заимствованное слово и его этнокультурные коннотации: болг. късмет // Вопросы языкознания. М., 2005. № 3. С. 44–52.
- Софийски край 1993 — Софийски край: етнографски и езикови проучвания. Под ред. Ст. Генчев. София, 1993.
- Странджа 1996 — Странджа. Материална и духовна култура. Под ред. М. Черкезова. София, 1996.
- Струганова 2018 — *Струганова Е. Н.* Болгарское благопожелание *да ти върви (като) по вода* и аксиология воды в болгарской культуре // Горизонты цивилизации. Материалы Девярых аркаимских чтений 22–25 2018 года. Челябинск, 2018. С. 328–338.
- Толстой 1995 — *Толстой Н. И.* Бадняк // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 1. М., 1995. С. 127–131.

Ekaterina Struganova (Moscow)

Water and fire in Bulgarian culture in the light of axiology

Abstract: This paper focuses on the meanings of water and fire symbols in Bulgarian culture in the axiological aspect. Both fire and water have ambivalent evaluation in the folk culture. Water is connected with legends about the creation of the earth. It is the basic element of the world. Maybe this is the reason, why it so widely spread in the rituals, but also that's why it gets the ambivalent evaluation: chthonic is the source of life, but also it is the threat and danger for the living creatures.

Fire helps supporting life and warmth, cooking food, which is basic for humans. That's why fire is the metaphor of the house and life. But also fire brings danger: in the Bulgarian folk culture there are special holidays, which rituals are meant to guard people from the fire. Semantics of fire and burning are also transferred on some illnesses (variola (Bulg. *sharka*), plague (Bulg. *chuma*), typhoid fever (Bulg. *ognitsa*)).

Both fire and water are used for healing, so they have the ability to purify and cure.

This complex usage of these elements in the folk culture and their evaluation represents the key features of the Bulgarian model of the world.

Key words: axiology, folk picture of the world, Bulgaria, fire, water, symbolism.

Note on the author: Ekaterina Struganova, junior research fellow, Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Science. Email: lu4.solnza@gmail.com.